

Александр Васькин,
лауреат Горьковской литературной премии, член СП Москвы

«ЦЕРКВИ ПОРУГАНЫ, АЛТАРИ ОСКВЕРНЕНЫ...»

Православные святыни Первопрестольной и «французский порядок» в Москве в 1812 году

2 сентября 1812 года изрядно потрепанное в Бородинском сражении и поредевшее наполеоновое войско ворвалось в Москву. Солдаты вражеской армии сразу же принялись за грабежи и мародёрство. Одними из главных объектов их «интереса» стали монастыри и храмы Русской православной церкви.

В православных храмах оккупанты устраивали конюшни, склады и казармы. Так случилось, например, в церквях Заиконоспасского и Рождественского монастырей. А в кремлёвском храме Спаса на Бору французы хранили фураж. А когда священники пытались сопротивляться — захватчики убивали их, причём прямо

на церковной паперти. Так случилось, в частности, с протоиереем Казанского собора.

В самих церквях после «посещения» их французами не оставалось ничего ценного и святого — оккупанты обдирали позолоту с окладов икон, тащили шитую золотом парчу и т.д. (парчу захватчики пустили, например, на занавес театра, устроенного ими в доме Позднякова на Большой Никитской улице).

Согласно выписке, составленной в Московской духовной консистории «из производящегося по указу Святейшего Правительствующего Синода от 20 мая 1836 года за № 6298 дела, о

«Основы православной культуры» № 1 / 2013

Александр Васькин «Церкви поруганы, алтари осквернены...»

происшествиях 1812 года и подвигах духовенства»:

«а) Новодевичий монастырь, оставшимся протоиереем Алексеем Ивановым и казначеею с несколькими сестрами был заперт. Небольшие неприятельские отряды не могли в него вторгнуться. 4-го сентября отряд неприятелей, более по-видимому 2 тысяч человек, приступивший к монастырским воротам с двумя орудиям по угрозам был впущен в монастырь. 8 сентября все церкви, кроме Соборной, и кельи выехавших из Москвы настоятельницы и сестер заняты были неприятельским войском, которое и оставалось в оных до 8 октября. По объявлению протоиерея, на вопрос неприятелей, что в монастыре нет службы за неимением вина и просфор, прислано ему было полведра красного вина и 10 фунтов крупчатой муки на просфоры. Найденные в монастыре съестные припасы неприятели разделили с оставшимися пополам и никого не били. Квартировавший в монастыре генерал брал у казначеи серебряные деньги и отдавал ей ту же сумму ассигнациями, а вместо ассигнаций давал медные деньги.

б) В Зачатейском монастыре все кельи сгорели; самые церкви загорались, но остались невреди-

мы. Достоинно особенного замечания — написанный на дереве образ Христа не сгорел в пламени. Во время бывшего в монастыре пожара священник Емельян Георгиев и настоятельница с сестрами, приобщившись Святых Христовых Тайн, заключились в храме, быв готовы лучше погребсти себя под развалинами одного, от распространившегося всюду всепожирающего пламени, нежели предать себя в руки неистовых врагов церкви и Отечества. После пожара настоятельница монастыря и бывшие с нею, числом до 50 человек, остались вовсе без пищи и в непрестанном страхе перешли из монастыря за Крымский брод, под защиту одного неприятельского начальника, лично из человеколюбия оберегавшего русских до 5 тысяч человек. Начальник сей, по усильной просьбе настоятельницы, при возвращении ее на третий день в монастырь, послал с нею для охранения двоих солдат и, дав им за своим подписом два листа, велел прибить один из них к монастырским воротам, а другой при входе в церковь. В листах сих монастырь объявлен был совершенно разграбленным и смертью угрожало тому, кто осмелится зажечь церковь. Таким образом, с 8 сентября — Храмо-

КУЛЬТУРА

вого монастырского праздника, до 21 священник Георгиев беспрепятственно отправлял в церкви часы, а с 21 до выхода из столицы неприятеля — Божественную Литургию.

г) Грузинская, на Воронцовском поле, церковь с великим трудом сохранена ото огня, а утварь от расхищения жившими тогда в церкви церковно-священнослужителями, за что священник Василий Гаврилов награжден наперсным золотым крестом.

е) В церкви Иоанна Предтечи, что в Казенной, Святыя иконы Смоленской Божьей Матери и Преподобного Сергия во время пожара остались невредимыми от огня, несмотря на то, что за киотом, в коем Смоленская Божья Матерь поставлена была, найдены головни.

з) Сороко-Святский у Новоспасского монастыря священник Петр Гаврилов, охранявший церковь и сокрытое в ней имущество, убит неприятелями близ самой церкви.

и) Спасский в Чигасах священник Михаил Георгиев, когда неприятели под острием обнаженных мечей понуждали его указать, где хранится церковное имущество, указал на свое собственное, недалеко от церков-

ного на церковных сводах хранимое, таким образом сохранил церковное.

й) В Николаевской церкви, складенное в один сундук церковное имущество все расхищено. Находившаяся же в сем сундуке икона Святого и Чудотворца Николая, обретенная по выходе неприятеля из Москвы на своем месте... Священник сей церкви, а ныне протоиерей Петр Платонов, когда неприятель входил в Москву чрез Драгомиловскую заставу, а арьергард русский выходил по Таганской и Николаевской улице, вышел вместе с дьячком в облачении с иконой Святого Николая, на престольном кресте и с зажженными свечами, окроплял Святою водою мимошедшее войско. Воины осеяли себя крестным знаменем, жадно ловили капли Святой воды, громко повторяя: «Враг наш погиб, а не мы!». Ехавшие чиновники подъезжали к иконе и со слезами лобызали ее. При сем случае протоиереем раздаваем был изнуренным и ослабевшим раненым печеный хлеб».

Драматические события разворачивались и в Страстном монастыре, богатую ризницу которого не удалось вывезти. Спрятали её под крышей монастырского собора. Туда и сложили всю утварь и

богатые иконы, а также главную ценность — Страстную Икону Божьей Матери. Спрятали и серебряный крест времен основания обители, украшенный жемчугом и редкими камнями, древние хоругви и покровы золотого шитья, серебряную чашу 1669 г., подаренную касимовским царевичем Василием Ярославовичем, два вызолоченных изнутри ковша времен Алексея Михайловича, еще один ковш с двуглавым орлом петровской эпохи, богатое евангелие 17 века и многое другое... Вход в тайник загородили старым шкафом.

И если огонь пощадил обитель, то не прошла мимо монастырских ворот другая беда — разорение и вандализм, устроенные французскими солдатами во время их короткого, но знаменательного квартирования в Москве.

Как с цепи сорвавшиеся французы всё искали ризницу: шарили по опустевшим кельям, тащили всё, что хоть как-то блестело золотом и серебром. Сломал замок на кладовой, хранившей сундуки с вещами монашек, оккупанты унесли всё до нитки. Но ризницу им не суждено было найти. Старый шкаф так и простоял под соборной крышей неподвижным, сохранив монастырские ценности нетронутыми.

А расстрелянных москвичей французы вешали на столбах у монастырских ворот. В нижнем соборном храме они устроили провиантский армейский склад, часть келий заняли солдаты.

Недели через две после французского вторжения новой оккупационной властью разрешено было проводить богослужения в монастыре, для чего одним из вражеских генералов было прислано парчовое одеяние, растащенное ранее солдатами, красное вино и мука. Службу совершал оставшийся в Москве монастырский священник Андрей Герасимов.

Натерпелись страху и оставшиеся в монастыре монахини. До смерти напуганные французами немолодые уже женщины тайком пробирались холодными осенними ночами на монастырский огород, чтобы выкопать для пропитания мороженый картофель.

Незадолго до бегства из Москвы, французы задумали поджечь Страстную девичий монастырь. Они смешали кучи щепы и соломы с порохом, чтобы затем запалить его. Но видевшая это одна из монахинь залила порох водою. Чудом ей удалось спрятаться от разъяренных захватчиков на чердаке игуменского кор-

КУЛЬТУРА

пуса, где её полуживую потом отыскали другие сёстры.

Для москвичей церкви стали символом сопротивления оккупантам: «Во всей Москве в эти дни огненных ужасов и грабительства до 15-го сентября ни в одной церкви не было службы; с одной стороны, потому, что все они были осквернены и поруганы, а с другой, не было при церквях священников. Первое и единственное богослужение началось в Рождественском монастыре. Достойный уважения и вечной памяти этого монастыря младший священник, отец Алексей (другой, старший, о. Адриан, человек святой жизни, был и тогда уже дряхл) выхлопотал у французского экс-губернатора дозволение: освятить один престол и открыть службу. К освящению приготовлена теплая церковь на 15-е число, в воскресенье. Нельзя и выразить той радости, какую мы почувствовали, когда услышали в субботу первый монастырский благовест к вечерне. В воскресенье мы все были в церкви при освящении престола и за литургией. Молились мы и горько плакали, видя обнаженные от окладов св. иконы и самые сосуды: потир и дискос — хрустальные. Во время водосвятия вошли три гвардейца в медвежьих шапках

и остановились сзади священника; потом, ради кощунства, начали подымать штыками кверху облачения на священнике. Отец Алексей побледнел, но не оглянулся на врагов и продолжал освящение воды. Далее Бог не попустил помешательства: освящение престола и литургия благополучно совершились», писал очевидец.

Ужасной была участь Архангельского собора Кремля, являющегося усыпальницей русских царей. Как дикие животные, бросались оккупанты на всё, что блещет или сверкает, думая, что это серебро и золото. Бархатные покрова были немедленно сорваны с надгробий, а часть из них и вовсе была осквернена. Французы, в частности, вскрыли раку с мощами царевича Дмитрия, выбросив его останки из могилы, и похитив серебряный оклад весом в 246 кг. Они ободрали и обобрали иконостас собора, добравшись до самых верхних ярусов, надеясь, что оклады находящихся там икон — серебряные. Нетрудно представить, каково было их разочарование, когда варвары обнаружили, что ризы икон сделаны из меди. Тогда они в приступе гнева разбросали иконы по собору, используя их как дрова для приготовления блюд император-

Александр Васькин «Церкви поруганы, алтари осквернены...»

ской кухни. Саму кухню устроили в алтаре собора, тут же был и винный склад. Не успев вывезти вино, перед своим бегством из Москвы, французы разбили бочки, из-за чего долгое время в соборе стоял винный запах.

Агент московского генерал-губернатора Федора Ростопчина доносил из оккупированной Москвы: «За алтарем Архангельского собора спит французская кухарка, возле окна готовит она и кушанье, она сшила себе платье из риз поповских, бархатных и других. Да и сами французы, когда дождливое время, показываются на улицах в священнических облачениях, дабы сберегать свои мундиры. Наглости всякого рода и ругательства, чинимые в церквях, столь безбожны, что перо не смеет их описывать: они превышают всякое воображение. Поведение сие непонятно, ибо сим французы более ещё раздражают народ против себя».

Французы не брезговали и гробокопательством. Они разрывали свежие могилы на московских кладбищах, надеясь и там поживиться золотишком.

И куда только подевалась хваленая французская дисциплина! Ни одна другая европейская столица, будь то Берлин, Вена или Варшава, не видела такого нрав-

ственного распада, который произошёл с наполеоновской армией в Москве. Не только грабежи и мародёрство, но и насилие над местным населением стали непременными чертами французской оккупации Москвы. Всего лишь за несколько дней культурная нация превратилась в пьяный сброд и сборище дикарей. Наполеоновские вояки замахнулись на святое — они осквернили православные храмы и монастыри. Пытавшихся пресечь грабеж русских священников убивали на пороге церквей, как случилось это, например, в Спасо-Андрониковом монастыре.

Оккупанты разорили собор и монастыря, а затем подожгли его. Были также осквернены иконостас и мощи прп. Андроника и Саввы, разграблена монастырская ризница. Убили и настоятеля храма Спаса в Рогожской слободе, пытавшегося увещевать французов.

А вот какой трагический эпизод описывает переживший оккупацию купеческий сын Егор Харузин: «Нам сказывали тогда (только не приводилось мне поверить этого события), что в дни дозволенного грабежа жителей произошел следующий страшный случай: священник церкви Св. Софии, что на Лубянке, узнавши в

КУЛЬТУРА

один день, что французы собираются ограбить его церковь, он поспешил туда, облачился, взял в руки крест, выйдя из церкви, запер ее и стал стражем на паперти. Действительно, вскоре явилась кучка польских мародеров и начала требовать от священника ключей церковных; он им сказал, что только через труп мой войдете в храм, а живой ключи не отдам. Поляки русскую отказную речь священника поняли и, поспешая на святотатство, совершили злодейство: обороняющегося крестом подвижника убили и по следам святой крови ворвались в церковь. Две возрастные дочери этого священномученика, известившись о своем несчастье, прибежали в отчаянии к убитому родителю и обратили тут на себя преступные взоры убийц, которые, схватив их, поволокли было в церковь; но девицы не с человеческою силою вырвались из рук извергов и, как легкие серны, побежали к Охотному ряду; поляки погнались за ними, увидя близкую за собой погоню, они удвоили быстроту и, успев добежать до Каменного моста, бросились обе в реку».

Но не те же люди за двадцать лет до этого громили католические храмы у себя в Париже? Например, в 1793 г. во время Ве-

ликой французской революции любители свободы, равенства и братства ворвались в собор Парижской Богоматери и ободрали его как липку, обезглавив статуи библейских царей, приняв их за французских королей. Награбленную церковную утварь и колокола переплавили (то же самое солдаты Наполеона сотворили в Успенском соборе Кремля, переплавив в горнах 325 пудов церковного серебра и 18 пудов золота). А что они натворили в базилике Сен-Дени, главной королевской усыпальнице, где были захоронены почти все монархии Франции! Их останки выкинули в выгребную яму. Затем, правда, после отречения Наполеона кое-кого вернули обратно, но неприятный осадок остался. Нынче этот собор служит еще и выставочным залом средневековой надгробной скульптуры, венчающей пустые могилы.

В этой связи очень верно написал Пётр Шаликов ещё два века назад: «Все Наполеоновы обряды — от духовных до придворных — суть не иное что, как ложный, обманчивый призрак, уловляющий в паутинные сети свои жалкое легкомыслие. Сей Корсиканец, возвративший Французам религию и монархию, приходит к Христианским Госу-

Александр Васькин «Церкви поруганы, алтари осквернены...»

дарям лишать их Престолов и осквернять Алтари храмов; сей Наполеон, призвавший ныне в свою столицу Главу Католической церкви, позволяет Греческие превращать в конюшни! Какие правила, подает он своим подданным? Какие нравы образует в них? Сам Атила умел иногда уважать достойное уважения; он прошел мимо Рима, для того единственно что Первосвященник, вышел к завоевателю на встречу во всем своем облачении, просил пощадить святую столицу. Здесь очень кстати сказать, что новый Атилла не пощадил ни сей святой столицы, ни Наместника Христова».

А вот весьма толковому и разумному французскому генералу Арману де Коленкуру это было непонятно. Он, представьте себе, полагал, что причиной такого поведения французов служило отношение к ним русских: «Беспорядки и грабежи — неизбежное последствие нашего быстрого продвижения — были первым злом, и мы заставили крестьян чуждаться нас. Пожары, зажжённые русскими с такой политической расчётливостью и приписываемые крестьянами французам, чуждый язык, крестовый поход, проповедуемый русским духовенством против нас, — всё со-

четалось воедино для того, чтобы изобразить нас в глазах этого суеверного народа в виде варваров, которые, как говорили русские, пришли низвергнуть их алтари, похитить их достояние и увести в рабство их жён и детей. И от нас бежали, как от диких зверей».

Что же получается — не Наполеон объявил России крестовый поход, а наоборот, русский народ пошел против миролюбивых французов с открытым забралом. Коленкур ставит все с головы на ноги, оправдывая варварство своих офицеров и солдат. Чего же говорить о менее сообразительных французах?

Правда, свои храмы французы в Москве не грабили. «Неподалеку от нашей квартиры, в той же улице находилась церковь для католиков, и в ней служил священник из французских эмигрантов. Церковь была во имя св. Людовика», — пишет сержант Бургонь. Настоятелем этой церкви с 1808 г. был аббат Андриен Сюрюг, тот самый, что обратился в католическую веру супругу московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, Е.П. Протасову. Интересы Сюрюга в Москве выходили далеко за пределы его католического храма. Он развил бурную деятельность не только

КУЛЬТУРА

среди французов-эмигрантов, но и пытался влиять (причём, безуспешно) и на православных москвичей. Сохранились любопытные письма аббата к его французским коллегам, написанные им в 1812 г. под впечатлением от происходящих перед его глазами событий. Сюрюг не только наотрез отказался встречаться с Наполеоном, но и не стал возвращаться на родину вместе с отступающими французскими войсками, скончавшись в Москве в декабре 1812 г. В настоящее время храм св. Людовика Французского, заново отстроенный в 1833–1835 гг., располагается по адресу: Малая Лубянка, дом 12А. А прилегающие переулки, как и прежде, оглашаются французской речью — в этом квартале находится лицей для детей проживающих в Москве французов.

Но свои храмы они не только не грабили, но и не ходили в них. Вот, например, что пишет савойский дипломат Ж. де Местр: «В Москве ни один француз не появился в церкви за все

шесть недель французского правления, за исключением (которое очень примечательно) пяти или шести офицеров, принадлежащих к старинным дворянским фамилиям Франции. Остальные, похоже, не имели ни малейшего представления о религии; некоторые, как мне передавали, спрашивали: «Что такое Бог? Что вы хотите сказать?».

И если к началу 1812 года в Москве насчитывалось 329 храмов, то в итоге пребывания Наполеона и его армии в Первопрестольной их число уменьшилось до 200. Некоторые церкви и вовсе не подлежали восстановлению. Тем важнее было скорейшее возрождение духовной жизни в Москве после изгнания захватчиков.

И неудивительно, что главным памятником в ознаменование победы российского народа в Отечественной войне 1812 года стал именно храм Христа Спасителя в Москве, обретший черты истинного символа неустранимости русского духа в борьбе с иноземными захватчиками.